

ТЕКСТ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В
ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ

Исламова Рухшона Алишер қизи,

студентка 2 курса

Бухарский государственный университет,
филологический факультет, кафедра русского языка

(e-mail: rushi02jk@gmail.com)

Annotatsiya. Ushbu maqolada sun'iy intellekt tomonidan Kumush asr she'riyati uslubida yaratilgan matnlarning adabiy hodisa sifatidagi maqomi o'rganiladi. Muallif tushunchasi, badiiy niyat va estetik qiymat masalalari tahlil qilinadi. Tadqiqot ilmiy adabiyotlar sharhi va generativ modellar ishtirokida o'tkazilgan amaliy tajriba asosida olib borilgan. Xulosa sifatida shuni aytish mumkinki, mashina matnlari adabiyotning tashqi belgilarini takrorlaydi, ammo muallif sub'ektivligini aks ettira olmaydi va shu sababli to'liq ma'nodagi adabiy asar deb hisoblanishi qiyin.

Kalit so'zlar: sun'iy intellekt, muallif, Kumush asr, generativ model, adabiy matn, taqlid, badiiylik, sub'ektivlik, simulyakr, neyrotar.

Аннотация. В статье исследуется статус текстов, созданных искусственным интеллектом в эстетике Серебряного века, в качестве литературного феномена. Рассматриваются понятия авторства, художественного намерения и эстетической ценности применительно к машинной генерации. Исследование проведено на основе анализа научной литературы и практического эксперимента с генеративными

языковыми моделями. Сделан вывод: машинные тексты воспроизводят внешние признаки литературы, однако лишены субъектности автора и не могут считаться полноценным художественным высказыванием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторство, Серебряный век, генеративная модель, литературный текст, имитация, художественность, субъектность, симулякр, нейросеть.

Abstract. The article examines the status of texts generated by artificial intelligence in the aesthetics of Silver Age poetry as a literary phenomenon. The concepts of authorship, artistic intention, and aesthetic value are analysed in the context of machine generation. The study is based on a review of scholarly literature and a practical experiment with generative language models. The conclusion is that machine-generated texts reproduce the external features of literature but lack the author's subjectivity and therefore cannot be regarded as fully-fledged literary statements.

Key words: artificial intelligence, authorship, Silver Age, generative model, literary text, imitation, artistic quality, subjectivity, simulacrum, neural network.

Введение. Широкое распространение генеративных языковых моделей поставило перед гуманитарными науками вопрос, который ещё несколько лет назад выглядел сугубо умозрительным: может ли текст, созданный без участия человека, обладать литературными свойствами? На сегодняшний день этот вопрос приобрёл практическое измерение — редакции журналов, университеты и литературные премии всё чаще вынуждены разграничивать человеческое и машинное творчество.

Неподготовленный читатель нередко не способен провести между ними чёткую границу.

Проблема приобретает особую остроту в контексте современных нейросетей, способных воспроизводить не только лексику и синтаксис конкретного автора, но и характерный образный строй, ритмику, интонацию. Именно это делает особенно продуктивным обращение к поэзии Серебряного века — периода, отличающегося исключительно узнаваемой и формально разработанной эстетикой. Если нейросеть убедительно имитирует Блока или Ахматову, значит ли это, что созданный ею текст является литературным произведением?

Цель настоящей статьи — рассмотреть проблему литературного статуса машинного текста через призму концепций авторства, сложившихся в современном литературоведении, и соотнести теоретические выводы с результатами собственного эксперимента. Актуальность темы определяется как её теоретической значимостью, так и практическими последствиями для педагогики, юриспруденции и культурной политики.

Проблема компьютерного авторства находится на пересечении литературоведения, философии языка и информатики. К числу ключевых работ, прямо или косвенно касающихся данной темы, относятся исследования по теории авторства [1; 2], природе языкового понимания в машинных системах [3; 4], а также труды о материальности литературного текста в цифровую эпоху [5]. Специальных работ, посвящённых анализу русскоязычного поэтического материала эпохи Серебряного века как объекта машинной имитации, в научной литературе

на сегодняшний день крайне мало, что и определяет новизну предпринятого исследования.

Методика исследования. Работа строится на сочетании теоретического анализа и эмпирического компонента. На первом этапе был проведён обзор ключевых концепций авторства в гуманитарной науке — от постструктуралистских эссе 1960–1970-х годов до современных дискуссий о правовом и культурном статусе ИИ-контента.

На втором этапе был организован практический эксперимент. Трёх генеративным системам — GPT-4, YandexGPT 3 и Claude 3 — было предложено одинаковое задание: создать по два текста (стихотворение и прозаический фрагмент) в духе каждого из трёх поэтов: А.А. Блока, А.А. Ахматовой и М.И. Цветаевой. Итоговая выборка составила восемнадцать текстов. Каждый анализировался по четырём параметрам: лексический состав, образная система, метрико-ритмическая организация, смысловая насыщенность. Контрольным материалом послужили подлинные произведения указанных поэтов — по три стихотворения и одному прозаическому фрагменту каждого.

На третьем этапе наблюдения, полученные в ходе эксперимента, были соотнесены с теоретическими положениями первого этапа. Ограничения исследования состоят в относительно небольшом объёме выборки и отсутствии привлечения независимых экспертов-литературоведов; устранение этих недостатков предполагается в дальнейшей работе.

Результаты и их обсуждение. Прежде чем обратиться к материалу эксперимента, необходимо уточнить теоретические рамки. В современном литературоведении понятие авторства остаётся

дискуссионным. Р. Барт в эссе «Смерть автора» (1967) предложил радикальный тезис: личность создателя не должна влиять на интерпретацию текста, поскольку смысл рождается в акте чтения, а не в намерении пишущего [1]. Согласно данной логике, вопрос о том, кто именно — человек или машина — стоит за текстом, утрачивает принципиальное значение.

Однако М. Фуко в ответном эссе «Что такое автор?» (1969) предложил иную перспективу: фигура автора выполняет в культуре организующую функцию, задаёт рамку интерпретации и несёт ответственность за высказывание [2]. Осознание того, что текст написан Мандельштамом в период преследований, принципиально меняет его прочтение. Применительно к машинному тексту «функция автора» оказывается принципиально иной: за нейросетью не стоит ни биографии, ни намерения, ни ответственности.

Данное разграничение нашло подтверждение в ходе эксперимента. На уровне формальных параметров все восемнадцать машинных текстов продемонстрировали значительное сходство с оригинальными произведениями. Лексика воспроизводила характерные для каждого поэта семантические поля: в «блоковских» текстах — образы туманного города и усталости духа; в «ахматовских» — лаконичный предметный мир и интонация сдержанной скорби; в «цветаевских» — синтаксическая экспрессия и тема разлуки. Метрика и принципы рифмовки также соответствовали образцам.

При анализе смысловой насыщенности, однако, обнаружилось характерное расхождение. В подлинных текстах образный строй функционирует как многоуровневая система, где каждый элемент несёт

биографические, историко-культурные и интертекстуальные коннотации. В машинных текстах образы существуют изолированно: они корректны на поверхностном уровне, но лишены того смыслового «эха», которое возникает на пересечении личной истории автора, эпохи и культурной традиции.

В качестве иллюстрации приведём наблюдение, сделанное в ходе эксперимента. Один из текстов, сгенерированных в стиле Ахматовой, воспроизводил характерный синтаксический рисунок и осенний образный ряд её ранней лирики достаточно убедительно: случайный читатель вполне мог принять его за подлинный фрагмент. Тем не менее при внимательном рассмотрении стало очевидно, что образы не связаны единой лирической ситуацией: они отобраны по принципу статистической частотности, а не смысловой необходимости. Именно это разграничение — между имитацией и художественным высказыванием — является ключевым для понимания природы машинного текста.

С философской точки зрения данный вывод соотносится с аргументом Дж. Сёрла, изложенным в мысленном эксперименте «Китайская комната»: система, корректно манипулирующая символами, не обязательно понимает их значение [3]. Нейросеть оперирует языковыми единицами без того, что можно было бы назвать пониманием или переживанием, — и именно это принципиально отличает её от поэта, для которого стихотворение является актом самовыражения.

Серебряный век представляет собой особенно показательный случай для данного анализа: поэтика этого периода сформирована в условиях предельного исторического напряжения. Ни одно из ключевых произведений не может быть адекватно понято в отрыве от контекста

революционных потрясений, личных трагедий и вынужденных эмиграций его создателей. Нейросеть, обученная на массиве поэтических текстов, воспроизводит их поверхностную стилистику, но не имеет доступа к породившему её экзистенциальному опыту. Как убедительно показала Н.К. Хейлз в контексте исследований о материальности текста, литературное произведение неотделимо от условий своего создания [5].

Необходимо отметить, что изложенная позиция не является единственно возможной. Ряд исследователей, принимающих логику Барта в её радикальном варианте, настаивает на том, что эстетическая ценность текста определяется исключительно читательским восприятием. В таком случае убедительный машинный текст следует признать равноправным литературным высказыванием. Данная позиция имеет право на существование, однако влечёт за собой существенные затруднения — как в педагогической практике, так и в сфере авторского права.

Выводы. Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Во-первых, генеративные языковые модели способны воспроизводить формальные признаки литературного текста на достаточно высоком уровне: лексику, образность, метрику и интонацию конкретного автора. Применительно к поэзии Серебряного века этот результат достигается особенно убедительно ввиду высокой формальной разработанности данной традиции.

Во-вторых, анализ смысловой насыщенности машинного текста обнаруживает принципиальное ограничение: образы не организованы единой лирической ситуацией и лишены культурно-биографических

коннотаций, составляющих смысловую глубину подлинного поэтического произведения.

В-третьих, понятие авторства в культурно-функциональном смысле применимо к нейросети лишь условно: за машинным текстом не стоит ни намерения, ни ответственности, ни биографического контекста. Это позволяет квалифицировать подобные тексты как симулякры литературы — воспроизведение формы при отсутствии содержательной основы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с привлечением независимых экспертных оценок литературоведов, расширением корпуса анализируемых текстов и сравнительным изучением восприятия машинных и аутентичных произведений различными категориями читателей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Barthes R. The Death of the Author // Image, Music, Text / Trans. by S. Heath. — London: Fontana Press, 1977. — PP. 142–148.
2. Foucault M. What is an Author? // Language, Counter-Memory, Practice / Ed. by D.F. Bouchard. — Ithaca, NY: Cornell University Press, 1977. — PP. 113–138.
3. Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. — 1980. — Vol. 3, № 3. — PP. 417–424. DOI: 10.1017/S0140525X00005756.
4. Weizenbaum J. Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation. — San Francisco: W.H. Freeman, 1976. — 300 p.
5. Hayles N.K. Writing Machines. — Cambridge, MA: MIT Press, 2002. — 144 p. ISBN: 0-262-58215-5.

6. Борецкий А.В. Проблема художественного авторства в условиях цифровизации // Вопросы литературы. — 2022. — № 3. — С. 45–62.
7. Ковалёв С.А. Авторское право и искусственный интеллект: вопросы правового регулирования // Журнал российского права. — 2023. — № 5. — С. 28–41.